

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д18

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Katherine Dunn

АТТИС

Перевод с английского *А.А. Соколова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В.Е. Половцева

Печатается с разрешения InkWell Management LLC /
Arthur Pine Associates и Synopsis Literary Agency.

Данн, Кэтрин.

Д18 Чердак : [роман] / Кэтрин Данн ; [перевод с английского А. А. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 192 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-114307-7

Роман-айсберг, в котором сюжет — верхушка, а подлинная суть скрыта в глубине повествования.

На поверхности — история юной Кей:

1. Ее побег от властной матери, скитания по городам «одноэтажной Америки».

2. Присоединение к странной группе, за невинным фасадом которой (продажа подписки на журналы) скрывается нечто, напоминающее секту.

3. И трагикомический нелепый инцидент, который приводит Кей за решетку.

А в глубине — разум и душа Кей. Ее восприятие, в котором сознательное переплетается с подсознательным, прошлое перемешивается с настоящим, а реальное — с воображаемым. И прежде всего — ее эмоциональный путь от детства к зрелости.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Katherine Dunn, 1970, 2016
© Перевод. А.А. Соколов, 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-114307-7

Посвящается Данте П. Дапология

Сестра Блендина раскладывала пасьянс, только я в ту минуту об этом не знала. В обличье псины и стрельнув лупешками, и жарко улыбнувшись, я наклоняюсь к конторке кассира: а-ну-ка-парниша-обналичь-мой-чек-гони-монету. Он потянулся ко мне, и я, подавая чек, приготовилась царапнуть ему ладонь ногтем большого пальца. Но между его рукой и моей лапой что-то не срослось: пальцы кассира ухватили пластмассовую круглую ручку на металлическом ящике и повернули, увеличивая до полного звук. Время смешалось, и все вокруг понеслось с невероятной быстротой. Подбегает менеджер, изучает чек, щиплет мою потертую псиную лапу, звонит по телефону, спрашивает мою настоящую фамилию и адрес, пялится на меня глазами-монетами, машет рукой в сторону двери, откуда дважды появляются люди в хрустящей синей форме. По-

среди затерянного Миссури я стараюсь пошевелить мозгами и ответить их глазам (правду о том, какая моя фамилия и что-то по поводу адреса: я живу на Либерти-стрит в номере 319, в городе Индепенденс, штат Миссури). До меня доходит слишком поздно, что правила игры в гляделки кардинально меняются, если глаза собеседника болтаются на прикрепленной по сторонам ширинки цепочке.

В семи милях и двенадцати этажах сестра Блендина переворачивает черного туза, и глаза начинают двигаться и расти. В этот момент я пытаюсь, пятясь, выскользнуть из псового обличья, но оно слишком плотное, и меня опережают. Человек в форме делает широкий шаг и оказывается за моей спиной. Этого времени хватает на то, чтобы глаза, превратившись в металлические кружочки, въехали друг в друга и, с громким щелчком захлопнувшись, угодили мне в бедро, на дюйм ниже лобка. Оборвалось сердце и грохнулось бы на пол, если бы не зацепилось в промежности. Знакомое чувство, как в быстро трогающемся лифте, или когда мать зовет таким голосом, что сразу понятно: она заставит лечь, раздвинув ноги, желая убедиться, что новый папа не дрючил тебя, четырехлетку, пока она ходила

по магазинам. Я стиснула бедра, и жар спаял кружки там, где они коснулись места между ног. Охромевшая, я потеряла способность передвигаться быстро. Избавиться от псины не получалось, поскольку исход был наглухо заблокирован. Хмырь в форме решил, будто уступка тоже успех, и чтобы закрепить его, расстегнул ширинку. Стиснул мышцы ягодиц и выпятил таз. Бился и терся за моей спиной — каждое движение активировало лазер. Свет для точности прицела разливался по мне толчками, как от тройного красного неоновго пульсара в Кресдже. Я чувствовала, что псина сползает с меня в лужу, и в образовавшиеся дыры на голое тело потянуло воздухом Кресджа. К тому времени, когда он кончил, мой облик совершенно обвис. Он спрятал оружие между ног (аккуратно, чтобы не обжечься) и застегнул молнию. Я же, пытаясь реанимировать псину, лихорадочно шептала: «Зрелость» (это ее имя). Зрелость! И к своим лихорадочным просьбам даже прибавила старое лунное заклинание:

Абра Кадабра,
Масло ореха.
Вмажь мне в середку,
Когда не до смеха.

Если произнести правильно — от шепота до диких завываний, — то успех обеспечен: псина возвращается на место. Но в присутствии охранника я постеснялась вопить, и, поскольку трюк не сработал, пришлось полагаться лишь на себя. Форма пихнул меня к двери, и у меня хватило времени только на то, чтобы заправить титьки, словно псиня была на месте до того, как мы двинулись дальше. А он облапил меня любовной пятерней и едва не сломал плечо.

Мы вышли из двери — я в чулках, а шкура волочилась за мной и болталась на ветру.

Пум-пум-пум-пшшш... Пышный рождественский Кресдж погружался в брякание колоколов на площади. За порогом суета тучной ноябрьской независимости. На улице тусуются множество любовников, вроде нас — лижутся, обжимаются, долбятся. Я покрепче запахнулась в остатки псовой личины и, чтобы не бросаться в глаза, приникла к Форме. Он наклонился, куснул меня в ухо и произнес:

— Попробуй бежать, и я тебя застрелю.

Я почувствовала, как его дуло между ног с каждым шагом тыкалось мне в задницу, и не сомневалась, что он говорит правду. Тепло улыб-

нулась, но, заметив, что он грызет кусок моей ушной раковины, я смущенно отвернулась.

Зал суда располагался в центре площади. На газоне карусель. Я заметила ее, как только мы повернули за угол, и сразу принялась рвать с себя шкуру большими клочьями. Вау! Как же я люблю карусели!

Форма оскалился, и громкость снова усилилась. Мы почти растворились в толпе, а колокола хлестали вальсами Штрауса. Длинные очереди маленьких мальчиков и девочек, тянущих родителей вокруг карусели, рядом две будочки, которые нужно пройти, чтобы усесться на лошадок. Мальчики тащат мам, девочки — папаш. Перед будкой с надписью «Мальчики» шестилетки стреляют из луков в мамаш. Те, широко раздвинув ноги, устроились на скамейках и могут получить с четырех попыток и с пятнадцати детских шагов стрелу в то место, откуда растут их ноги. Папаши сидят в другой будке, и девочки стараются набросить кольца на их сосиски. Если с четырех попыток это им не удастся, то они лишаются права покататься на карусели. Поэтому мамы все шире раздвигают ноги, а папы трут свои приборы, чтобы они исправно стояли. Горько заплакала бело-

курая девочка: у ее отца все беспомощно мягко, и кольцо раз за разом соскальзывало. Мужчина покраснел и попытался подкупить зазывалу, чтобы дочь все же пустили на лошадку, но на него только оскалились.

Вот это да! Карусель! Сорок лошадей с пышущими страстью глазами и втянутыми в рот губами — хвосты и гривы вздыблены от налетевшего сквозь пальцы их резчика ветра. Между задними резными ногами приклепаны розовые пластиковые члены, в вечном возбуждении, а под хвостами в старом дереве щедро отороченные синтетической губкой глубокие дыры. Под членами прикрепленные к полу платформы, за дырами — свисающие с потолка сиденья.

Вот что бросилось мне в глаза — псина подтвердит, — как только мы приблизились, карусель встала, и лошади замерли на месте в прыжке, зато вальсы Штрауса продолжали на нас изливаться. Между тем, как я отняла правую ногу от земли и тут же поставила рядом, поскольку тянули ошметки шкуры, не позволяя сделать широкий шаг, единственным воплощением движения был хозяин карусели, который обходил лошадей и чем-то прыскал из баллончика на сиденья и члены. А когда закончил,

открыл ворота, впуская толпу детей. Те, визжа и смеясь, бросились занимать места по размеру. Таких размеров было десять, в зависимости от толщины и плотности, самые большие сосиски у лошадок с самыми маленькими дырками. Две малышки подрались из-за лошади с самым большим размером. Таскали друг друга за волосы, колошматили и наконец покатались по полу, кусаясь, визжа и царапаясь. Мальчишка лет трех подбежал к этой лошади, попробовал на ощупь сосиску, стянул с себя короткие штанишки на резинке и улегся животом на платформу. Он был такой один. Другие же парни снимали шортики и устраивались в креслицах за хвостами. Девочки, кроме двух подравшихся и теперь лежавших на спинах, задирали юбки и валились на платформы. Ноги всех детей были зажаты в стремях.

Карусель устроена так, что, даже в прыжке или припадая к настилу, лошади не способны коснуться детей. Оператор повернул рукоять, и аттракцион пришел в движение. Сначала медленно, затем быстрее. Дети зафиксированы на сиденьях и платформах, лошади взмывают вверх и ныряют вниз, обороты карусели набирают скорость. Отметелившие друг друга девчонки

продолжали возню на помосте между лошадьми и на каждом обороте на мгновение возникали перед моими глазами. Вальсы добавили децибел, смыв остальные звуки. Стоявшие на земле родители кивают и скалятся, а дети на лошадях замерли, лишь шевелят губами, обнажая зубы. Я посмотрела на человека в форме — с тех пор как мы остановились, его орудие между ног тыкалось в мои ягодицы в ритме музыки. Заметив, что я на него гляжу, он сразу прекратил, пихнул вперед, встряхнул за плечо и ткнул большим пальцем в шею.

Мы поспешно отошли от карусели, но как только оказались на улице, Форма помедлил, обернулся и улыбнулся. Музыка внезапно оборвалась, и звуки на площади стихли. Поверх всего завис уже несколько секунд продолжавшийся крик. Мы повернули сквозь толпу обратно к карусели, Форма пыхтел, шкура, как кольчуга, колотила меня по плечам. Писк-визг, от людского гомона гнется шея. И вот мы у карусели: я в негодной старой шкуре и блистательная форма, и что там еще задумала сестра Блендина?

На середине помоста, между раньше двигавшихся, а теперь замерших лошадей — мальчик.

Или некогда мальчик. Лежит на спине с закрытыми глазами, штанишки спущены до колен, ягодицы сплющены на полу, вокруг кровь.

Форма все понял, однако спросил:

— Что случилось? — и был засыпан ответами.

— Видите лошадь, та, что за ним, с раздутыми ноздрями? Он до нее дотянулся, и его палец в них застрял, ах, это не вина компании! Мы всех инструктируем: одна лошадь подпрыгивает вверх, другая скачет вниз, видите, сэр, он такой коротышка, вот как вытянулся, сломан большой палец. Обрезания не делали, я обещал его деду, пенис отсечен, на его месте отметина от прижигания.

Поскольку цепь на поясе Формы слишком коротка, он не мог наклониться, чтобы мы оба при этом не упали. Ему пришлось перекинуть мальчика через плечо и придерживать одной рукой.

— Куда вы его? Может, вызвать «Скорую»? Он оклемается?

— Не беспокойтесь, граждане, с ним все будет хорошо. Теперь он наш, я забираю его в академию. Его приведут в порядок с помощью особого полицейского лазера и поместят в лучший

Мизура. Через пятнадцать лет будет как огурчик — станет задирать нос и радоваться, что ему так повезло.

Улыбки, кивки и шепот остались позади — мы шли вперед: я тащила псину, а Форма — мальчика. Пересекли улицу и стали подниматься по ступеням большого серого здания. Из обрубка мальчика на меня капала кровь.

— Что здесь находится? — спросила я.

Форма показал на большие римские буквы над дверью:

«ТЮРЬМА ИНДЕПЕНДЕНС»

Пока я читала, псина сползла, и морда настолько надвинулась мне на лицо, что я не могла не только видеть и слышать, но даже дышать. Пока я выбиралась из нее, мы продолжали идти, и что-то происходило, но я не знала, что именно. А когда освободила лицо, выяснилось, что мы стоим перед барьером, за которым находятся люди. Мальчик исчез, и Форма велел, чтобы я сняла часы, очки и отдала сумочку. Я послушалась, оставив очки, поскольку увидела за барьером женщину. Она сидела за пишущей машинкой и быстро двигала руками. На ней тоже была

собачья шкура — в стиле Мизура, — но только в гораздо лучшем рабочем состоянии. Женщина подняла голову, и ее взгляд дал ясно понять, что моя никуда не годится, поскольку, вместо того чтобы разозлиться, она, увидев еще одну собачью шкуру, испытала отвращение.

Оживить свою псину я никак не могла и с тех пор, как днем меня посадили в этот угол, ныла, упрашивала и растирала себя. Ничего не помогало. Я не знала, что делать.

Гнилое место, чтобы что-нибудь затевать. Мне нужен маленький темный закуток, чтобы кучкой свалить обувь и, мурлыкая мелодию, в такт перебирать вешалки. Но уже, наверное, полночь, а две стоваттки по-прежнему жарили на потолке. Похоже, будут гореть всю ночь.

Я находилась не одна. Ее звали Мэри — так она мне сказала.

— Я Мэри. Барменша.

Что я более-менее поняла, глядя на нее: ей хорошо за тридцать пять или сильно не дотягивает до пятидесяти. На ней были колготки, а если она когда-нибудь и имела средства на шкуру, то это было незаметно. Мэри носила кроссовки, но они вдруг слетели со ступней,